

DOI: 10.15372/HSS20210105

УДК 904(571)

В.Э. ШАВКУНОВ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БАХОЛИ В ЕЛАНЬ И СТАВКА ВОЖДЕЙ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ В ПРИМОРЬЕ В XI В.

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
РФ, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Согласно официальной истории чжурчжэней «Цзинь ши», Бахоли переселился с территории Кореи в Елань, которая находилась в Южном Приморье (на территории современных Партизанского и Шкотовского районов), в X – начале XI в.. В то время на юге Приморья проживали носители смольнинской культуры. Крупнейшими ее памятниками являются Николаевское (Партизанский район) и Стеклянухинское I (Шкотовский район) городища. Предки Бахоли были бохайскими подданными, которых кидани переселили в район нижнего течения р. Ялуцзян. Но здесь не найдено предметов культуры чжурчжэней догосударственного периода. На Стеклянухинском I городище в жилище смольнинской культуры обнаружено бохайская глиняная посуда, на других памятниках смольнинской культуры, в том числе на Николаевском городище, такая посуда не встречена. Видимо, Бахоли со своим народом первоначально поселился в окрестностях Стеклянухинского I городища. Позже он или его потомки переместились на Николаевское городище, которое на одной из древних карт обозначено как Елань, где и основали свою резиденцию.

Ключевые слова: Бахоли, Елань, смольнинская культура, Стеклянухинское городище, Николаевское городище.

V.E. SHAVKUNOV

RESETTLEMENT OF BAOHUOLI TO ELAN AND THE HEADQUARTERS OF THE NÜCHENS LEADERS IN PRIMORYE IN THE XI CENTURY

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya str., Vladivostok, 690001, Russian Federation

The article compares data of written sources on the history of the early Nüchen and archaeological materials. According to «Jin Shi», the official history of the Nüchen, Baohuoli moved from Korea in Yelan. In the X – early XI centuries, Yelan was located in the southern Primorie (the territory of modern Partizan and Shkotov districts). This resettlement took place at the turn of the X–XI centuries. At this time, the population of Smolnin culture lived in southern Primorie. The largest sites of Smolnin culture in Yelan was the Nikolaev fortress (Partizan district) and Steklyanukhin I fortress (Shkotov district). Both sites have a Nüchen layer. Ancestors of Baohuoli were Bohai citizens. After the Bohai Kingdom demise, the Qidan moved them to lower Yalujiang River bank. The relocated Nüchens had to have elements of Bohai culture. Nikolaev fortress is designated as Yelan on an ancient map. However, no objects of Jurchen culture of the pre-state period were found there. Bohai pottery was discovered in a dwelling of Smolnin culture at Steklyanukhin I fortress. Bohai ceramics were not found on other sites of Smolnins culture (including Nikolaev fortress). The territories of Shkotov and Partizan districts were not part of the Bohai Kingdom. Bohai pottery was revealed only on Steklyanukhin I fortress and around it. There is every reason to believe that Baohuoli and his people originally settled in the vicinity of Steklyanukhin I fortress. Later, he or his descendants moved to Nikolaev fortress and established their residence there.

Key words: Baohuoli, Yelan, Smolninskaya culture, Steklyanuhinskaya I fortress, Nikolaevskaya fortress.

ВВЕДЕНИЕ

Официальная история чжурчжэней «Цзинь ши» сообщает, что предок императоров Золотой империи

Ханьпу когда-то проживал на территории Кореи. В поисках лучшей доли он вынужден был покинуть первоначальное место проживания и переселиться на

Владимир Эрнстович Шавкунов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов ДВО РАН, e-mail: vshavkunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2439-1865>.

Vladimir E. Shavkunov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: vshavkunov@yandex.ru.

р. Пугань в племя ваньянь. Вместе с Ханьпу из Корё вышел его младший брат Баохоли, который поселился в Елани. Если в тексте летописи по поводу Пугани есть определяющий термин *шуй* (река), то у Елани нет никакой топографической привязки. Большинство исследователей при переводе к этому топониму добавляют термин «местность». И это правильно, поскольку в конце I – начале II тыс. н.э. Елань была довольно обширной областью, а какое-то время и губернией в составе Золотой империи чжурчжэней. По всей видимости, сам топоним должен был произойти от населявших территорию племен или от родового названия правителей этого населения [1, с. 58]. О месте расположения р. Пугань точных сведений не имеется, а исследователи ранней истории чжурчжэней и комментаторы летописи просто помещают эту реку на территории Маньчжурии. С более объемным в значении топонимом Елань дело обстоит несколько проще. Отечественные исследователи помещают ее на территорию Приморского края, иногда без более конкретной локализации [2, с. 40], иногда – в верховья р. Уссури, т.е. в центр Приморья [3, с. 189], иногда – в Южное Приморье [4, с. 236].

Между тем есть очень веские основания считать, что средневековая Елань находилась на юго-востоке Приморского края. По крайней мере, анализ сведений из географического раздела «Цзинь ши» о местоположении чжурчжэньской губернии Елань отправляет ее именно на юго-восток Приморья. С наибольшей долей вероятности, административный центр этой губернии должен был располагаться в Партизанском районе Приморского края в долине р. Партизанской. В то же время Елань граничила с другой губернией чжурчжэней – Суйпин, занимавшей долину р. Раздольной (бывшей р. Суйфун), т.е. находилась на территории современных Шкотовского и Партизанского районов Приморья [1, с. 61]. Сама губерния была образована на территории проживания вождей приморских чжурчжэней – потомков Баохоли. Последние, со времени правления общеплеменного вождя Угуная (?1040 – 1074 гг.), всегда поддерживали своих маньчжурских сородичей и сыграли заметную роль в деле объединения чжурчжэньских племен и создания Золотой империи. Угунай даже посещал приморских родственников, а его сын Хэлибо какое-то время гостил и лечился в их резиденции [5, с. 600]. Ясно, что к этому времени переселенцы в Приморье уже прочно обустроились на новых землях.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БАОХОЛИ В ПРИМОРЬЕ

Само переселение Баохоли, т.е. его исход вместе со старшим братом Ханьпу с территории Кореи, должен был произойти с наибольшей долей вероятности, в середине 990-х гг. [6, с. 61]. Вышли братья, есте-

ственно, не вдвоем, а со своими семьями и слугами, т.е. с достаточно многочисленным обозом. И если Ханьпу перемещался по территории, заселенной родственными племенами, и мог получать от них исчерпывающую информацию о наиболее удобном маршруте, то Баохоли пришлось ехать по неведомым землям. В таком случае ему должно было потребоваться значительно больше времени для поиска удобного и безопасного места поселения. Скорее всего, на юго-восток Приморья он добрался где-то на рубеже тысячелетий. В середине XI в., когда Приморье посещал Угунай, в Елани правил его родственник Чжилихай, который являлся четвертым потомком Баохоли [3, с. 194]. При той плодовитости, которая была присуща ранним чжурчжэням, чему способствовала полигамия у знати [7, с. 38], чжурчжэньское население Елани должно было заметно возрасти. И не обязательно только за счет переселившихся семей. Возрасти до такой степени, что во время правления ваньяньского вождя чжурчжэней Хэлибо (1074 – 1092 гг.) еланьские чжурчжэни выставили ему в помощь 5200 воинов [5, с. 600]. И надо думать, это была не 100%-ная мобилизация мужского населения. Несколько позже, в 1124 г., из Елани в губернию Субинь был переселен целый *мэньань*, который с 1114 г. состоял из 3 тыс. дворов [2, с. 76], т.е. трудоспособное население насчитывало 10–15 тыс. чел. По всей видимости, это не было тотальным переселением, и на территории упраздненной губернии Елань оставалось еще достаточно много жителей. Таким образом, за век жизни в Елани чжурчжэньское население значительно увеличилось. Соответственно, должны были вырасти число и размеры их поселений.

Элементы культуры ранних чжурчжэней (XI–XII вв.) в Приморье пока не выделены. Да и памятники, датированные этим временем, в крае практически не определены. Поэтому точно установить, где впервые обосновались чжурчжэньские переселенцы, крайне проблематично. Однако некоторые предположения сделать можно.

К моменту переселения Баохоли в Приморье, т.е. к рубежу I и II тыс., на юго-востоке края проживали носители смольнинской культуры. При этом почти половина всех известных смольнинских памятников находится в Партизанском районе, и практически все они привязаны к долине р. Партизанской. Выходит, что эта местность была достаточно плотно заселена смольнинцами. Можно предположить, что заселенная ими территория и есть Елань и среди них был видный одноименный род, получивший свое название по протекавшей реке, на которой они жили. Раньше, используя известную карту Д'Анвилля, я уже пытался определить современную реку, носившую в древности название Елань. Получалось, что в конце минского – начале цинского времени р. Ялань

(у Д' Анвилля в написании Yarkan) – это современная р. Литовка, протекающая по границе Шкотовского и Партизанского районов [1, с. 59–61]. Однако на другой, безымянной и неопубликованной карте цинского времени на юго-востоке Приморья обозначена р. Елань, которая является самой крупной в тех местах. И в среднем течении этой реки, в ее долине, обозначен укрепленный город под названием Елань. Самой крупной рекой на юго-востоке края является р. Партизанская, в долине которой по ее среднему течению находится Николаевское городище. Правда, эта карта далека от совершенства и, скорее всего, так же, как и карта Д' Анвилля, «основана большей частью на расспросах». Как бы то ни было, в памяти местного тунгусского населения, видимо, сохранились предания о существовании на юго-востоке Приморья большой реки Елань, в долине которой находился древний одноименный город. Упомянутая безымянная карта дает веские основания для того, чтобы отождествить город и реку Елань с Николаевским городищем и р. Партизанской. При этом надо отметить, что на данном памятнике зафиксирован и чжурчжэньский слой, и слой смольнинской культуры. Если же рассматривать ареал смольнинской керамики, то Николаевское городище является самым крупным известным памятником смольнинской культуры. Кроме того, это одно из крупнейших долинных городищ Приморья.

Из сказанного выше можно сделать вполне обоснованное предположение о том, что Николаевское городище в чжурчжэньское время являлось главным городом губернии Елань. Еще одним аргументом в пользу высказанного мнения может служить факт обнаружения на памятнике именной бронзовой бирки-рыбки, выданной где-то в VIII–IX вв. некоему Нелици по поводу присвоения ему высокого звания «командующий левой доблестной охраной» [8]. И в том же Партизанском районе была найдена еще одна именная бирка, выданная в 795 г. представителю племени тели Цитуся [9]. Находки сразу двух редких именных «документов» на компактной территории могут свидетельствовать об очень популярном и значимом месте, куда регулярно прибывали знатные гости из далеких земель. Как правило, такие места имели в древности большое административное значение, в них проживала местная знать. И в такие места в первую очередь приезжали иноплеменные гости по торговому, дипломатическому или иным делам. Здесь не лишним будет отметить, что в Елань на похороны Асымэня (младшего брата тогдашнего вождя еланьских чжурчжэней Шитумыня) приезжал основатель Золотой империи Агуда, правда, еще до того момента, как он стал вождем племени Ваньянь [5, с. 612]. По всей видимости, Агуда должен был посещать

главный город Елани, на звание которого в наибольшей степени претендует Николаевское городище.

Если это так, то на памятнике должен быть слой XI в. и, соответственно, предметы быта ранних чжурчжэней. На городище проводились археологические работы, правда, в основном на месте внутреннего города. Как показали раскопки, там находился буддийский храмовый комплекс, находки в котором состояли в основном из кровельной черепицы и терракотовых украшений. Немногочисленный керамический материал обнаружен по большей части вокруг этого комплекса и был характерен для чжурчжэньской керамики XII – начала XIII в. [10, с. 289–291]. То же самое касается и кирпичей фундамента буддийского храма, которые по своим пропорциям практически идентичны кирпичам металлургических печей Шайгинского городища [11, с. 79], датированного первой третью XIII в. Можно предположить, что либо ранний чжурчжэньский слой на Николаевском городище просто не был найден, либо керамика конца XI в. мало чем отличалась от поздней чжурчжэньской. Более вероятным представляется первый вариант, ведь раскопки проводились на относительно небольшой площади.

Можно, конечно, попытаться вычислить, какими должны быть предметы ранних чжурчжэней в Приморье. Переселился Баохали с территории Кореи, с левого берега р. Амнокан (Ялуцзян). Переселился не один, а со своей семьей и всем домашним скарбом, в том числе и с посудой. Правда, все источники по ранней культуре чжурчжэней сообщают, что ели они из деревянных мисок и деревянными ложками [7, с. 30–31]. Однако готовить пищу они все-таки должны были либо в котлах, либо в глиняных горшках, да и хранить припасы целесообразнее в глиняной посуде. В таком случае горшки ранних чжурчжэней Приморья должны иметь аналогии с памятников X–XI вв. с северо-запада современной КНДР. Сюда после разгрома киданями государства Бохай были переселены несколько тысяч семей чжурчжэней, которые в источниках называются регистровыми, мирными, цивилизованными, или чжурчжэнями Хэсугуань [2, с. 33–34]. То, что их называют цивилизованными, и то, что кидани смогли переселить их, свидетельствует о том, что они до 926 г. являлись подданными королевства Бохай и проживали на его территории. Переселяли кидани их тоже со всем их имуществом, и есть основания полагать, что, в частности, глиняная посуда должна быть у них бохайского облика. Следовательно, ранние чжурчжэни Приморья также должны были использовать глиняную посуду, близкую бохайским изделиям.

Елань (т.е. юго-восточная часть Приморья) если и входила в состав королевства Бохай, то лишь номи-

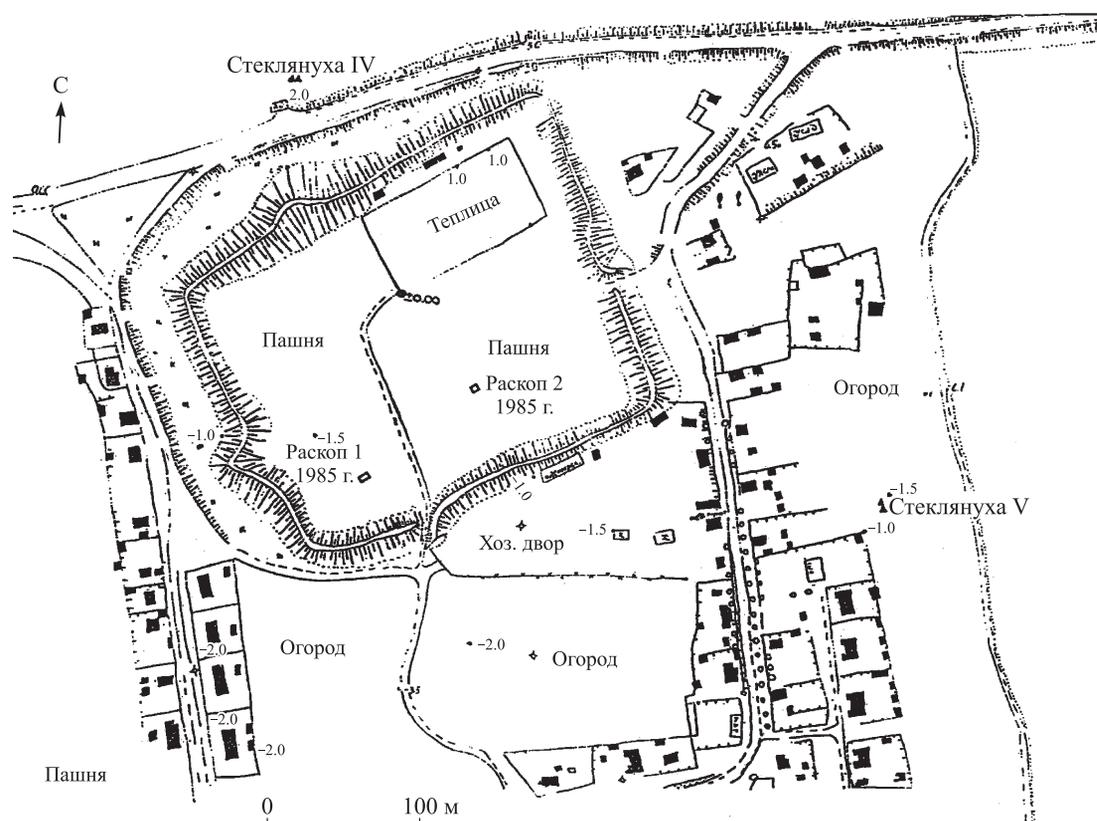

Рис. 1. План Стеклянухинского I городища

Fig. 1. Plan of Steklyanukha I fortress.

нально. Эти места не были бохайскими землями, их занимали носители смольнинской культуры [12]. Значит, и памятников бохайской культуры здесь не должно быть. Однако имеются сообщения о находках бохайской керамики на территории Шкотовского района в долине р. Шкотовки. Эта долина также богата средневековыми памятниками. Самый крупный и известный из них – Стеклянухинское I городище. Кроме него, в долине находилось еще два укрепленных поселения. Одно из них располагалось у слияния рек Шкотовка (Цемухэ) и Стеклянуха (Малая Цемухэ) [13, с. 23], к настоящему времени оно полностью уничтожено. Другое городище размещалось на правом берегу р. Стеклянуха, в 4 км вверх от одноименного села. От него сохранился небольшой участок вала, рядом с которым найдена бохайская керамика (ленточные ручки, пароварка)¹. Помимо городищ в долине Шкотовки было зафиксировано несколько средневековых поселений. На Стеклянухе V (на северо-восточной окраине села) и Стеклянухе VI (через

трассу от Стеклянухинского I городища) найдено много керамики с вафельной поверхностью². Скорее всего, оба памятника составляли в древности единый комплекс с городищем (рис. 1). На Стеклянухе VIII зафиксирован очаг с бохайской посудой, а на Стеклянухе IX (в 3,5 км на запад от с. Стеклянухи, у северо-западной подошвы сопки Стул) найдена бохайская и чжурчжэньская керамика³.

А.В. Александров отмечает присутствие бохайской керамики и на Стеклянухинском I городище. В частности, в жилище 1, отнесенном им к «ранне-средневековому слою бохайского времени», выделяется три группы керамики: «высококачественная керамика... с характерной для бохайской гончарной техники лощением по ангобу и фрагменты бохайских дольчатых сосудов»; «низкокачественная лепная керамика»; «вафельная керамика»⁴. При этом описание форм, размеров и орнамента лепных сосудов не оставляет сомнений в том, что они относятся к лепной

² Там же. – Л. 48

³ Там же. – Л. 55.

⁴ Александров А.В. Отчет об археологических раскопках на городище Стеклянуха-I в Шкотовском районе. 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11747. Л. 26.

¹ Александров А.В. Отчет о разведке археологических памятников в долинах рек Шкотовки и Стеклянухи Шкотовского района [Приморского края]. 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10812. Л. 46.

Рис. 2. Вид на Стеклянухинское I городище с северо-востока.

Fig. 2. View of Steklyanukha I fortress from the north-east.

керамике смольнинской культуры. Такая же ситуация зафиксирована и в жилище 2. Обращает на себя внимание наличие в одном жилище и смольнинской керамики, и станковой керамики с лощением, и долечатых сосудов. В других исследованных памятниках смольнинской культуры такого сочетания не отмечено.

Описанная А.В. Александровым керамика (днища пароварок, стенки с ленточными ручками, лощенные и долечатые сосуды) действительно имеется в бохайском материале Приморья. Однако пароварки, часто с ленточными ручками, найдены и на памятниках смольнинской культуры (городище Шайга-Редут и Смольнинское городище), т.е. они не могут быть абсолютным индикатором бохайской культуры. Несколько иначе обстоит дело с долечатой посудой, которая появляется у бохайцев в конце существования их государства и, скорее всего, была заимствована у киданей [14, с. 253, с. 256]. Возможно, долечатый декор проник к бохайцам с Корейского полуострова, где он появился в начале X в. [15, с. 58] и, скорее всего, также от киданей.

Наличие на Стеклянухинском I городище поздней бохайской (или похожей на нее) керамики в жилищах, где преобладала смольнинская посуда, говорит о том, что во время проживания в них смольнинцев откуда-то к ним поступала посуда, оформленная в иной традиции и иной технике. Причем в немалом количестве. Поступление керамики бохайского облика к смольнинцам зафиксировано только в долине р. Шкотовки, территория которой входила в состав ранней Елани. В связи с высказанными выше соображениями можно предположить, что Баохоли, вместе

со своей семьей переселившийся из района Хэсугуани в Корею в Елань, первоначально обосновался в долине р. Шкотовка.

Рядом со Стеклянухинским I городищем А.В. Александровым отмечены два поселения (Стеклянуха V и Стеклянуха VI), на которых найдено много керамики с вафельной поверхностью. От городища эти поселения отделены современными дорогами и строениями, где, естественно, зафиксировать какие-либо древние артефакты крайне проблематично. По всей видимости, и городище, и оба этих поселения составляют единый комплекс смольнинской культуры. Тот факт, что в валу Стеклянухинского I городища была найдена керамика, в том числе вафельная, свидетельствует, что первоначально на этом месте находилось поселение смольнинцев. На каком-то этапе его функционирования здесь были насыпаны валы из взятой тут же земли. Таким путем эти валы стали маркировать детинец, в котором должны были проживать вожди или старейшины местного населения. Валы памятника довольно высокие, однако на них нет никаких башен (рис. 1; 2). Планировка городища близка к прямоугольной, а его валы не ориентированы по сторонам света. В детинец ведут четверо ворот, расположенных не по центру валов. Такой тип городищ в наибольшей степени характерен для бохайской фортификации [16, с. 68], а также для смольнинской культуры [17, с. 15–16]. В отличие от этих культур, чжурчжэньские равнинные городища, начиная с XII в., сооружались с башнями на валах [16, с. 69; 18, с. 130]. И хотя на Стеклянухинском I городище имеется чжурчжэньский слой, ясно, что оно возникло до XII в. и больше не перестраивалось.

Рис. 3. Карта расположения городищ Стеклянухинское I и Николаевское.

Fig. 3. Map of locations of Steklyanukha I and Nikolaev fortresses.

В отличие от него, на Николаевском городище имеются башни на валах, сами валы намного мощнее, а с внешней стороны памятника выкопан глубокий и широкий ров. Укрепления этого городища явно были модернизированы чжурчжэнями. Видимо, для них Николаевское городище было гораздо более важным, чем Стеклянухинское I городище. Об этом же свидетельствует наличие в нем большого и добротно сделанного чжурчжэнями буддийского храмового комплекса [10]. Все это также свидетельствует в пользу того, что Николаевское городище при чжурчжэнях служило административным центром сначала только местности, а в течение какого-то времени и губернии Елань.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенных выше фактов и гипотез можно составить такую схему освоения чжурчжэнями Елани. Первоначально Баохоли со своей семьей прибыл и обосновался в долине р. Шкотовки, занимаемой носителями смольнинской археологической культуры. Скорее всего, это произошло на месте нынешнего

Стеклянухинского I городища или недалеко от него. Через какое-то время сам Баохоли или его потомки переселились в Партизанский район и сделали Николаевское городище (рис. 3) главной своей резиденцией, а позже и центром губернии Елань. Если эта схема верна, то представляется очень перспективным искать элементы культуры ранних чжурчжэней в долине р. Шкотовки и на Николаевском городище.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Шавкунов В.Э. Елань эпохи чжурчжэней // Вестн. ДВО РАН. 2007. № 5. С. 57–64.
2. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1975. 448 с.
3. Ларичев В.Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 254 с.
4. История Золотой империи / пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 288 с.
5. Ларичев В.Е. История чжурчжэней (XI – XII вв.) // Древняя Сибирь: Макет I тома «Истории Сибири». Улан-Удэ: [б.и.], 1964. С. 579–637.
6. Шавкунов В.Э. Ближайшие потомки Ханьпу // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 10: Востоковедение. С. 56–64.

7. Воробьев М.В. Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. 368 с.
8. Шавкунов Э.В. Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища // Сов. археология. 1989. № 1. С. 267–270.
9. Беляев В.А., Сидорович С.В. Две новые эпиграфические находки из Приморья // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2015. Вып. 3. С. 114–134.
10. Шавкунов Э.В. Раскопки на Николаевском городище (1960–1962 гг.) // Сибирский археологический сборник. Материалы по истории Сибири. Новосибирск: [б.и.], 1966. Вып. 2. Древняя Сибирь. С. 286–296.
11. Ленков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, 1974. 172 с.
12. Шавкунов В.Э. К вопросу о восточной границе государства Бохай // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 27–32.
13. Буссе Ф.Ф., Крапоткин Л.А. Остатки древностей в Амурском крае // Зап. О-ва изучения Амурского края. 1908. Т. XII. С. 1–66.
14. Ивлиев А.Л., Дьякова О.В. О происхождении дольчатого декора в средневековых культурах Дальнего Востока СССР // Рериховские чтения 1984 г.: К 100-летию Н.К. Рериха и 80-летию С.Н. Рериха. Новосибирск, 1986. С. 250–256.
15. Ивлиев А.Л. Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // Вестн. ДВО РАН. 1997. № 1. С. 53–60.
16. Воробьев М.В. Городища чжурчженей как фортификационные сооружения // Докл. Геогр. о-ва СССР. 1968. Вып. 5: Этнография. С. 60–73.
17. Шавкунов В.Э. Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 164 с.
18. Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 120–133.
3. Larichev V. E. The secret of the stone turtle. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1966, 254 p. (In Russ.)
4. History of the Golden Empire. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1998, 288 p. (In Russ.)
5. Larichev V. E. History of the Nüchens. *Drevnyaya Sibir': maket I toma «Istorii Sibiri»*. Ulan-Ude:, 1964, pp. 579–637. (In Russ.)
6. Shavkunov V. E. The closest descendants of Hanpu. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2018, vol. 17, iss. 10, pp. 56–64. (In Russ.)
7. Vorobiev M. V. The Nüchens culture and Jin State (the X century –1234). Moscow, Nauka, 1983, 368 p. (In Russ.)
8. Shavkunov E. V. Bronze credential tag shaped as a fish from Nikolaev Fortress. *Sovetskaya arkheologiya*, 1989, no. 1, pp. 267–270. (In Russ.)
9. Belyaev V. A., Sidorovich S. V. Two new epigraphic finds from Primorie. *Srednevekovyye drevnosti Primor'ya*. Vladivostok, Dal'nauka, 2015, iss. 3, pp. 114–134. (In Russ.)
10. Shavkunov E. V. Excavation at Nikolaev Fortress. (1960–1962). *Sibirskiy arkheologicheskii sbornik. Materialy po istorii Sibiri*. Novosibirsk, 1966, iss. 2, pp. 286–296. (In Russ.)
11. Lenkov V. D. Metallurgy and metalworking among the Nüchens in the XII century (based on research materials from Shaigin Fortress. Novosibirsk: Nauka, 1974. 172 p. (In Russ.)
12. Shavkunov V. E. On the issue of the eastern border of the Bohai state. *Rossiya i ATR*, 2005, no. 4, pp. 27–32. (In Russ.)
13. Busse F. F., Krapotkin L. A. Remains of antiquities in the Amur region. *Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraya*, 1908, vol. 12, pp. 1–66. (In Russ.)
14. Ivliev A. L., Dyakova O. V. On the origin of lobule decor in medieval cultures of the Far East of the USSR. *Rerikhovskie chteniya 1984 g.: k 100-letiyu N. K. Rerikha i 80-letiyu S. N. Rerikha*. Novosibirsk, 1986, pp. 250–256. (In Russ.)
15. Ivliev A. L. Interethnic contacts in the Middle Ages in East Asia. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 1997, no. 1 pp. 53–60. (In Russ.)
16. Vorobiev M. V. Nüchens fortresses as fortifications. *Doklady Geograficheskogo obshchestva SSSR*, 1968, iss. 5, pp. 60–73. (In Russ.)
17. Shavkunov V. E. Cites of the Smolninskaya culture of Primorie (based on materials from excavations of Smolnin and Shayga-Redut Fortresses). Vladivostok, IIAE DVO RAN, 2015. 164 p. (In Russ.)
18. Ivliev A.L. Qidan fortresses. *Materialy po drevney i srednevekovoy arkheologii yuga Dal'nego Vostoka SSSR i smezhnykh territoriy*. Vladivostok, 1983, pp. 120–133. (In Russ.)

REFERENCES

1. Shavkunov V. E. Yelan of the Nüchen era. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoy akademii nauk*, 2007, no. 5, pp. 57–64. (In Russ.)
2. Vorob'ev M. V. Nüchen and the Jin State (the X century – 1234). Moscow, Nauka, 1975, 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2021

Дата рецензирования 22.01.2021

Статья принята к публикации 01.02.2021